

ее воспитаннице, которой было всего двенадцать лет. В этом м-ль де Шалэ ему помешала, но разрешила вволю любезничать с младшей сестрой де Кервено, которой шел только восьмой год. Потом м-ль де Шалэ ему сказала: «Там внизу есть еще служанка, шепните и ей словечко мимоходом».

Известно, что Вуатюр был многим обязан кардиналу де Лавалетту и считался его наперсником; однако, поскольку Кардинал любил прикидываться весельчаком, хоть это ему плохо удавалось, Вуатюр говорил де Лавалетту напрямик все, что он об этом думает, подчас и при свидетелях.

Маршал д'Альбре, которого звали в ту пору Миоссансом, долгое время сам не понимал, что говорит, и нес совершеннейшую чепуху; някото не мог уразуметь, что он хочет сказать, при всем том, что человек этот был вовсе не глуп. Впоследствии он избавился от этого недостатка. Однажды, когда во дворце Рамбуэе собралось большое общество, Миоссанс проговорил целых четверть часа в своей обычной манере; Вуатюр резко напал на него, заявив: «Черт меня поberi, сударь, если я понял хоть одно слово из того, что вы сказали. Вы и дальше собираетесь молоть подобный вздор?». Миоссанс ничуть на него не рассердился, а только ответил: «Ах, сударь мой, господин Вуатюр, пощадите же хоть немного своих друзей». — «Право же, — отпарировал Вуатюр, — я так долго шадил вас, что мне уже это наскучило».

С покойным г-ном де Шомбером Вуатюр обращался примерно так же, хотя тот был умен, хорошо писал и только беседа давалась ему с трудом. Вуатюр потешался над ним при каждом удобном случае, а тот в ответ только смеялся. Судя по стихам, обращенным к королеве Анне: «Я мнил...» и т. д., — можно убедиться, что Поэт не щадил даже ее, ибо открыто говорил о ее любви к герцогу Бекингему. Как он позволял себе разговаривать с принцем де Конде, достаточно ясно видно из его известного ответа на послание к г-же де Монтозь.⁶

Во время всяких празднеств во дворце Рамбуэе и во дворце Конде Вуатюр всегда развлекал общество то водевилями, то приходившими ему на ум веселыми шутками. Однажды, когда Поэт с целой компанией возвращался из Сен-Клу, кучер вывалил их. В карете было восемь человек. Тут Вуатюр, сидевший с того боку, на который карета упала, увидел, что никто ни на что не жалуется, и стал кричать, что у него сломана нога; м-ль Поле, ехавшая в том же экипаже, сказала ему: «Вы ошибаетесь, не нога, а рука, ибо падая так, как упали вы, можно сломать себе только руку, но никак не ногу». — «Мадемуазель, — ответил он холодно, — каждый знает, что у него болит; я чувствую, что сломал ногу». Она пыталась доказать ему обратное, но тут, видя, что хотят послать за лекарем, ибо это случилось неподалеку от деревни, Вуатюр расхохотался во все горло и заявил, что и руки и ноги у него совершенно целы.

Увидев как-то на улице Сен-Тома двух поводырей с медведями в намордниках, он их потихоньку вводит в спальню г-жи де Рамбуэе, где